

А.К. Тасымова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: tassymova.a@gmail.com)*

Миф как ключ к пониманию современной правовой культуры

В статье обоснованы роль и значение мифа в качестве наиболее релевантного способа понимания особенностей правовой культуры. Подчеркивается аисторическое семантическое ядро мифа, которое остается неизменным в своих базовых смысловых параметрах. Правовая культура рассмотрена как закрепление некоторых аспектов мифа на уровне повседневной коммуникации. Мифологизация права предстает в виде таких тенденций, как возвращение к применению обычного права, ведущее к деградационным процессам в области правовой культуры и правового сознания. Сделан вывод о том, что наличие научной парадигмы не гарантирует того, что в обществе не будут функционировать определенные мифы, поскольку из собственно культурной сферы миф стал постепенно актуализироваться в области политики и права, что можно наблюдать в современных реалиях. Авторами обоснована двойственность, присущая современному праву как развивающемуся организму, которая обусловлена тем, что в условиях современности право начинает выполнять функцию зеркала тех трансформаций, которые происходят в обществе на уровне обыденных практик. Анализ парадоксов современной правовой системы национальных обществ указывает на ограниченность такого явления, как мифологизация права, которая в условиях современности приводит к формированию правовых универсалий в качестве продукта глобализационного процесса, логичным завершением которого будет организация наднациональных институтов, регулирующих сферу правовых отношений.

Ключевые слова: миф, право, культура, современность, разум, демократия, справедливость, правосознание, закон, обычаи.

Введение

Жизнь общества, как и деятельность других сфер, касающихся человека, напрямую коррелирует с политической областью, а в частности, с правом и законом. Аксиологические параметры существования, несомненно, обусловлены мифами, которыми обрастает современная культура, с одной стороны, она воскрешает давно забытые мифологические формы, а с другой — продуцирует альтернативные мифологические формы.

Мифологическое сознание, как правило, опирается на те принципы, которые закладываются в ранних, зачаточных формах коллектива, ценности такого общества обуславливаются памятью о прошлом.

Наукообразность современных мифов, которые проецируют это видение на структуру и функциональность государственности, иногда сравнивают с архаическими, в которых соответственно нет такого модернистского уклона. Впрочем, наличие научной парадигмы в таком обществе не гарантирует того, что в нем не будут функционировать определенные мифы. Если опираться на психологические термины в определении мифологии, то такой феномен можно объяснить через коллективное бессознательное, которое является первопричиной бихевиористских особенностей личности в условиях как древнего, так и современного обществ [1].

Таким образом, из собственно культурной сферы миф стал постепенно актуализироваться и в области политики и права, что нашло своевременное отражение в научной литературе [2]. А источником такого интереса к мифологизации культуры стал Ролан Барт [3]

При подробном анализе древних образцов мифологических систем и упорядочивании старых данных в правовой сфере, можно, без сомнения, говорить о пристальном внимании к исследованию экспансии в правовой области представителей различных научных слоев: от историков до логиков.

Обычное право — это определенная структура нигде не зафиксированных обычаев и традиций, которые являются отражением общественного видения различных сфер жизнедеятельности членов общества, а также других этносов либо религиозных групп. Если принять за факт доминирование зафиксированных и документально оформленных норм, то обычное право остается в сфере не задоку-

* Автор-корреспондент. E-mail: tassymova.a@gmail.com

ментированных и неофициальных действий. Если данное обычное право вступает в разногласие с официальным правом, то это вызывает неудобство.

Исходя из перечисленных выше дефиниций, можно сделать вывод, что «мифологизация» — это внедрение составляющих обычного права в документально обоснованную область. Сравнительный анализ и доскональный разбор с точки зрения философии просто необходим при таком подходе к процедуре интерпретации аксиологического знаменателя для всех видов права [4].

Также имеет особое значение точная дефиниция обычая, исходя из этого, мы не обращаемся к значению обычая как к источнику права, который выступает соразмерным законом. Как известно из работ, которые посвящены правовым аспектам, Казахстан относится к европейской правовой группе (а точнее романо-германской). Из этого можно исходить, упоминая о данном обычном праве, которое в соответствии с законодательством не является формально-обоснованным в нормах государства, что влечет за собой другие особенности: обычное право не является произвольным источником прав и обязанностей. Однако косвенное воздействие «обычая» на закон нельзя преуменьшать, так как образование и формулирование законов является созависимым, особенно при определении обычая как вольной трактовки права или ожидаемого действия в рамках закона.

Разумеется, следует помнить, что закон — это последовательное выделение из области значения упомянутого выше «обычая», который официально подтверждается государством, исторически обосновывается и закрепляется в виде письменного договора. Г. Дж. Берман в своих исследованиях на эту тему также рассуждал об обычае и праве. Как философ, склонный к сравнительным методам, он приходит к определенным выводам: «...говорить о западной традиции права — значит постулировать понятие права не как корпуса правил, но как процесса, предприятия, в котором правила имеют смысл только в контексте институтов и процедур, ценностей и образа мышления. При таком более широком взгляде источники права включают не только волю законодателя, но и разум и совесть общества, и его обычаи и привычки» [5].

Конституирующее значение в ранних формах государственности играло обычное право, на основании которого можно было удостовериться в том, что это и есть источник мифа о самом первом и истинном законе и смысле упорядоченной жизнедеятельности общества, в целом. Но также нельзя отрицать влияния обычного права и в современном мире в отношении некоторых земельных вопросов, а также в разрешении местных конфликтов родовых отношений. Так, в эту область объединяются такие практики, как производство материальных ценностей и обсуждение других семейно-бытовых вопросов (земельный вопрос).

Кабинетные разглагольствования и разговоры об обычном праве и сфере его действия не заменят, конечно, тех масштабных и скрупулезных изучений данного права на месте его непосредственного функционирования. Так, если ученым и исследователям кажется, что обычное право приобретает формы, ограниченные в каких-то областях, то тщательное рассмотрение этого вопроса дает иные данные, которые интерпретируют право как обширную сеть традиций и законов, которым подчинялись общества на местах. Этим занимались в основном ученые-историки, в силу специфики их в работы в XIX в., вплоть до начала XX в. К этой работе в какой-то мере имели отношения и языковеды, которые погружались в изучение особенностей языковой среды, а на основе материала, который давали сами общины, ими активно делались выводы и о функционировании в сфере правовых отношений.

Может возникнуть резонный вопрос о распространенности законодательства на государственном уровне, и почему до сих пор местные конфликты и споры решаются с помощью обычного права без привлечения официальных представителей. Это объясняется единственно тем, что обычное право имеет более дипломатические формы и характеризуется большой мерой приспособляемости к внешним факторам.

Неоспоримым можно считать тот факт, что обычное право остается актуальным в некоторых сообществах, которые, как оказалось, стали менее сконцентрированы на содействии в какой-либо форме протекции гражданам. Это и оказало решающее влияние на выделение другой части общества в протекторат. А они стали руководствоваться не общепринятым законодательством, которое регламентирует права и обязанности членам общества, а, в основном, опирается на общее право. Такая форма правового взаимодействия стала возможной только при опоре на аксиологические паттерны, которые, как правило, при острой необходимости можно легче подвергнуть изменениям и модернизациям [6], чем социологические аспекты экономических реалий [7].

Методы исследования

В рамках данной статьи применялись традиционные методы социогуманитарного исследования, включающие в себя дифференциальный, структурный, комплексный и системный анализ.

В отношении мифологического измерения права применялся метод феноменологического анализа, направленный на выявление первичных смысловых значений, возникающих в сознании реципиентов права в контексте повседневной культуры.

Также избирательно привлекалась методология постструктурализма, в частности, изыскания Жака Лакана, Жюль Делеза и Феликса Гваттари в отношении неоднородного состава социальной реальности.

Результаты

Идеология глобализма устанавливает единое представление о том, по каким законам должны жить люди в обществе, отказывая обществам в их исторической и культурной непохожести, разнице в ментальности, что создает сопротивление со стороны локальных сообществ, которые обращаются к тем параметрам своей культуры, которые отличают ее от всех остальных культур и позволяют им иметь свой неповторимый культурный облик.

Культурные особенности в разных частях страны дают причину рассматривать районы с нетрадиционной ситуацией, которая в свою очередь отличается от стандартной правовой схемы. В таких районах наблюдаются как этнические особенности, так и какие-то другие изменения в глобальном смысле.

Так, можно наблюдать очень четкое разграничение в области применения обычного права в национальных общностях, такие как, например, народы Дальнего Севера на территории России.

В таких обществах древние традиции совмещаются с официальными правовыми представлениями, которые в некоторых отдаленных районах редуцируются в своих функциях как фундаментальный аспект законодательства. Сферы функционирования общественных правил относительно залежей ценных природных ресурсов и распределения запасов различных металлов и сырья из недр окружающей среды, а также бытовые отношения внутри ячейки общества и внутрисемейные конфликты становятся прерогативой обычного права, которое, в свою очередь, основывается на «обычае» как на традиционном аспекте закона.

Причинно-следственные связи в области влияния аксиологических представлений на правовые процессы, которые обусловлены интеграцией коренных жителей с жителями больших городов, разумеется, оставили след в расхожих мнениях, касающихся правовой нормы в семейных отношениях и остальных сферах закона.

Однако применение обычного права на отдаленных территориях и попытки сделать его основой правовой системы в больших городах — это совершенно разные вещи. Указанные выше процессы переселения из дальних регионов в большие по масштабу населенные пункты показывают, что вместе с семьями, которые активно находят пути миграции, переносятся их и религиозные представления, начиная от шаманизма и заканчивая ложными религиозными течениями, рассчитанными на неокрепших в духовном плане людей. Интеграция в религиозном плане начинает приносить свои плоды, когда без особых оснований продолжают укрепляться псевдорелигиозные общины и содружества.

С правовой точки зрения деятельность таких группировок остается слабо изученной и не имеет под собой фундаментального основания в виде поправок и отдельных статей закона. Так, новые течения в духовном плане неспособны принести непоправимый ущерб государственной системе как социологическому объединению, однако отдельные случаи правовых несоответствий можно наблюдать в городах. Исследователи в этой области старательно изучают новые случаи правовых нарушений с религиозной точки зрения и их проблематику в надежде, что постепенно станет ясно, как разработать поправки к ныне существующим законам [8].

В теории социологии есть множество аспектов, которые позволяют нормам права свободно внедряться в процесс формирования общественной законодательной базы. К ним относятся такие безапелляционно признаваемые подсистемы, как позитивное, т.е. официальное право, которое является гарантом государственной непоколебимости. Безусловно, некоторое отношение к данному официальному праву имеет и «обычай», как параметр, который регулирует обычное право в том числе. Но это отношение считается чисто формальным в связи с тем, что оно выступает только как отдельный

аспект права, в целом, но который, конечно, находится в тесной взаимосвязи с традиционным видением права.

В то же время нельзя утверждать, что позитивное право стало абсолютно признанным на всей территории развитых государственных структур. Если начинать разбираться на местах, то исполнители неоднократно могут столкнуться с несоотнесимостью прав и обычаев в понимании населения. Официальные документы содержат в себе разъяснения по определенным вопросам и статьям, в то время как происходящие конфликтные ситуации не подходят под статьи законов и не могут быть урегулированы с точки зрения позитивного права. Примером могут служить такие прецеденты, как случаи похищения девушек с целью женитьбы или определенные жертвоприношения в ритуальном смысле.

Так, разумеется, мы можем говорить о таких случаях, как прецедентах только в пределах мегаполисов и больших городов, потому что именно там это является не нормой и очевиднее правовые лакуны применительно к таким ситуациям. И в то же время наличие идентичных случаев в сельской местности или провинциях не делает их чем-то из ряда вон выходящим в силу мировоззренческих особенностей [9].

Казахстанская система правовых норм является также подверженной таким доводам: основания для противоправных действий объясняются с точки зрения обычного права, а не позитивного права. Все усугубляется отсутствием точных, определенных параметров, с помощью которых закон может адекватно восприниматься гражданами, которые опираются на обычаи своей местности или руководствуются национальными традициями своей народности. Это диктует новые реалии для судебных исполнителей и судейской коллегии, что вызывает сложность в определении мотива и остальныхотягающих обстоятельств.

В то же время, нельзя постоянно ссылаться на обычное право в тех системах, где официально принято позитивное право, так как это будет не соответствовать действующему законодательству и нивелирует уголовное право в отношении подсудимого, с одной стороны, и защиты субъектов, проживающих на этой территории, — с другой.

Насколько мы можем судить, такие выходящие за рамки действующей правовой системы традиционные действия составляют малую часть от общего количество прецедентов, основанных на общем праве. И соответственно основные деяния традиционного толка не спорят с аксиологической доминантой западноевропейского общества, что влечет за собой единогласие в рамках гуманистического направления в социологических дисциплинах.

«Всеобщая декларация о культурном разнообразии», датированная 2001 г. ЮНЕСКО [10], транслирует позицию универсализации ценностного подхода, а в частности — интерпретации «гуманизма» как метода, способного интегрироваться в любое общество. Такого же мнения придерживаются и другие представители европейских стран [11, 12].

Однако все эти декларации не могут предотвратить сильного влияния обычая на позитивное право. В умах граждан постепенно утверждается позиция перехода традиционных ценностей в разряд одобряемых законом позиций, которые, в свою очередь, позволяют увеличиваться таким случаям, где происходит признание обычая как нормы, одобряемой государством. Так случается повсеместно, даже в тех сообществах, где официальное законодательство признается во всех слоях социума.

Необходимо уметь отличать аутентичные формы правосознания от их превращенных форм, когда, казалось бы, следующее принятым нормам поведение имеет своим мотивом не добровольное согласие с официальными установлениями, а деструктивные интенции. При этом само право может использоваться как инструмент удовлетворения личных интересов и достижения своекорыстных целей.

Важным структурным элементом при рассуждениях о мифе является мифологическое сознание, в котором и зарождаются утвердительные, либо отрицательные концепции, касающиеся того или иного предмета в аспекте мифического. Исследователь Н.Н. Китаев говорит о том, что такое положение вещей обуславливает неперемное утверждение в истинности некоторых положений, и эти утверждения будут рассматриваться индивидом как непререкаемая истина [13].

В современную науку о праве и законе также проникают определенные мифы, то есть такие паттерны поведения и интерпретации действительности, которые свойственны как отдельному человеку, так и обществу, в целом. В правовой сфере такие мифологические шаблоны могут оказывать неоднозначное влияние на реализацию позитивного права в судебной практике.

Четко сформулированные схемы и обобщенные структуры в теории правообразования, которые продиктованы каким-то своим видением всей ситуации, в целом, позволяют сформировать лишь определенную видимость в общем поле законодательства.

Мифологичность диктует свои правила, которые проявляются через призму таких сущностей, которые не поддаются четкому объяснению. Этому подвержены не только официальные правовые течения, но и остальные юридические концепции.

Управление и принципы правообразования могут принимать разные формы, начиная от мифологических, если на то есть основания, и до социологически значимых основ, которые направлены на формирование обоснованной гражданской позиции [14].

Иллюстрацией к высказанному выше тезису может служить непреднамеренная мифологизация некоторых положений, которые были высказаны и сформулированы в XVIII веке учеными и их последователями, которые активно продвигали самые разнообразные мысли. Таким примером могут служить идеи в сфере права, которые учеными и исследователями были приняты на основании не наукообразной и доказательно-обоснованной теории, а на домысливании и трансцендентальном мировоззрении, которое было близко в аксиоматическом анализе к мифам, в которые поверил ученый.

Становится очевидным, что такие понятия, как разум, демократия, справедливость, превращаются в базу для правосознания граждан общества. Также приобретают большую значимость, сформулированные уже после XVIII века, понятия-мифологемы: «глобальное право», «правовое государство» и «права человека». Как можно судить по данным исследований, эти и похожие аспекты мифов были заложены еще в древности, когда были актуальны «универсальные ценности».

Понятие нормы и нормальности во все времена было дискуссионным и подвергалось постоянной критике. Близко с этим понятием лежит и понятие «глобализации», которое понимается как такое развитие миропорядка, при котором затрагиваются и обобщаются до уровня нации такие аспекты, как товарооборот, сфера услуг, финансовые потоки внутри государства. Также с глобализационными процессами связаны и изменения в поле права [15]. Разумеется, движения в плане изменения медленно идут к цели, потому что появляется надобность в новых понятиях, например, «детерриторизированные сообщества» — это такие государственные единицы, которые перестали зависеть от территориальной составляющей [16].

Исходя из таких нововведений, можно смело говорить о структурах, которые находятся в высшей детерминированности от национальной системы, с одной стороны, но с другой — основываются на традиционных столпах прав и свобод гражданина [17].

В данной концепции, затрагивающей непростые теоретические вопросы, некоторые аспекты были разработаны Ж. Лаканом [18], который воплотил в жизнь и интерпретировал понятие территоризации и детерриторизации. Другие ученые этого же направления так же разрабатывали идентичные вопросы, и они несомненно были более проработаны в их исследованиях. В числе таких ученых можно назвать Ж. Делеза [19] и Ф. Гваттари [20], которые определяли данный термин как всякий процесс, который стремится к развитию.

В том числе социологические исследования и процессы, происходящие в поле политических и экономических изменений, позволили обобщить некоторые терминологические понятия. В частности, речь идет о типизации разных видов государственной власти, которое также не привязано к определенной местности.

Таким образом, нововведения оказали специфическое влияние на стандарты применения прав и свобод граждан, формулировку законов и принятия их субъектами государства. Это влияние подтверждается и увеличением расстояния формулировок позитивного права от самого гражданина как того, на кого будут направлены параграфы правоприменения.

Становится очевидным, что такое распределение системы прав граждан в теории государства и права приносит дополнительные сложности в распределении ролей для правовых реалий [21]. Так, можно резонно выделить несколько точек зрения на данный вопрос о том, кто является действующим лицом в глобалистских процессах. С одной точки зрения, это могут быть архаичные формы государственности с их устоявшимся режимом и официальными законами и правами. А с другой — это новые, образованные недавно субъекты деятельности, которые репрезентируются на своей территории.

Социологические нововведения в области теории права, правообразования и правоприменения влияют не только на собственно социологические аспекты, но, как и говорилось ранее, затрагивают политические, экономические и культурные сферы. Если придавать социологическим изменениям все больше всемирного масштаба, то, несомненно, они затронут и экономику государственной систе-

мы и соответственно, при нечетких рубежах в экономически значимых полях это станет началом перемен и относительно национального фактора, а именно расширения характера взаимодействия с другими государствами.

Зависимость одного государства от другого будет продиктована тесной работой правовых систем этих государств, а также внедрением в эту работу и более мелких субъектов права. С одной стороны, это привлечет международное право к большей ответственности за соседствующие государства, а с другой — будет сдерживать независимость страны [22].

Многие аспекты правоприменения обусловлены однородностью восприятия норм и правил в обществе, и это обязывает принять на себя роль директивного органа тем учреждениям, которые не являются представителями правительства [23]. И в свою очередь, государственные организации призваны разрешать иного рода проблемы, связанные с правом: например, конфликты на религиозной почве или продиктованные другими этническими предрассудками, а точнее мифами.

Международные принципы работы с правом и законодательством, разумеется, еще не приобрели достаточного статуса и официальной силы для решения таких глобальных задач, которые перед ними ставят современные реалии. Так, невозможно будет передать в ведение международной системе какие-то отдельные части законодательной системы, тем более, что нет достаточной базы и опыта работы с такими задачами и структурами наднациональных институтов.

Есть и другие примеры, когда государство не является единоличным субъектом своих политико-экономических деяний, а вынуждено подстраивать свою систему под определенную общность, образованную из нескольких государств со схожей политической и экономической системой. Можно привести в пример Евросоюз, который накладывает на страны этого блока некие обязанности перед дружественными им соседями, но не лишает государства самостоятельности в принятии важных решений, касающихся развития этих стран. К сожалению, довольно распространены примеры того, как подобные интегрированные блоки часто создаются в угоду только отдельно взятым представителям таковых и становятся способом достижения сугубо личных целей, которые не соответствуют изначально озвученным гуманистическим установкам. Это закономерно порождает недоверие среди населения многих стран к различным интеграционным процессам, поскольку за их внешней политико-экономической выгодой может скрываться деятельность некой олигархической социальной группы, которая в итоге сотрет все социокультурные различия между обществами-участниками глобализационного процесса, чтобы легче ими управлять и поставить их на службу своим интересам.

Обсуждение

Однако рано говорить о воплощении в современных условиях какого-то антиутопического сценария установления глобальной диктатуры, поскольку реально модернизационные процессы, происходящие в незападных обществах и имеющие налет вестернизации, все же видоизменяются под влиянием локальной культуры как совокупности обычаев и традиций. Когда правовая система начинает встраиваться в общую систему мирового права, попутно можно регистрировать и возникновение других процессов, отражающих восприятие государства в современном мире, которые можно обозначить термином «правовая интернационализация». Суть этого явления заключается в том, что правовые системы, регулирующие отношения в обществах с разной культурой и историей, начинают образовывать единую систему, построенную на одних и тех же принципах, поскольку все более тесное сотрудничество между национальными государствами заставляет сообща решать международные проблемы в разных сферах деятельности, что требует исходить из каких-то международных правовых стандартов [24].

Между тем важно понимать, что глобализационные процессы в правовой культуре могут принимать два облика. Они могут привести к появлению наднациональных правовых структур, которые будут регулировать отношения между странами-участницами различных интегрированных сообществ, а также к выработке (при соблюдении свободы национального государства в правовой сфере) общих правовых норм, которые будут учитывать интересы всех субъектов межнационального взаимодействия, в правосознание которых заложены такие общечеловеческие ценности, как свобода, справедливость, гуманизм, объективность, являющиеся фундаментом института правового регулирования [25]. Сейчас мы наблюдаем реализацию второго варианта интернационализации права, который исключает угрозу создания глобальных правовых институтов, стоящих над национальными. Правовое сопровождение международных отношений заключается в адаптации национальных правовых систем к усложнившейся социокультурной реальности, характеризующейся тенденциями к гло-

бализации, а потому предусматривает выработку правовых норм, действующих в пространстве, образованном интегрирующимися сообществами, а не принятие универсального правового кодекса. Поэтому любые конфликты будут решаться с ориентацией на правовую культуру локальных обществ, а не с высоты оторванного от конкретно-исторической реальности универсализма [26].

Интернационализация права выдвигается при этом как аргумент ликвидации культурного разнообразия, которое сохраняется лишь в незначительных мелочах. На деле же такая интерпретация ведет к примитивизации процесса интернационализации права, так как механизм регулирования социальных отношений действует только в исторически меняющихся обстоятельствах, то есть правовые решения принимаются, исходя из конкретных условий, а не из раз и навсегда выработанных аксиом и идеализированных моделей [27]. Еще одним аргументом является то, что право есть семиотическая система и осуществляется на конкретном языке, поэтому языковая специфика определяет и функционирование правовой системы [28].

Французские социологи Ж. Делез и Ф. Гваттари озвучили интересную позицию, согласно которой в системах права существенную роль играет момент множественной эволюции. Они утверждают, что право не развивается планомерно, однолинейно, что этому процессу присуща стихийность и дискретность: составляющие права уподобляются в своем развитии самому жизненному процессу. Делез пишет о том, что в каждый исторический момент социум репрезентирован законодательной системой во всей своей полноте функциональных возможностей. При этом социальная реальность не дана в раз и навсегда готовом виде, она претерпевает различные трансформации, связанные с ростом, и дает жизнь большому количеству новых форм социального взаимодействия. Данный закон, который обосновывает Делез, «обладает силой еще до того, как известен объект его приложения, и даже при том, что этот объект, возможно, никогда не будет познан» [29], в силу действия фактора хиатуса, который играет роль причины, обуславливающей трансформационные процессы во всех областях человеческого бытия. Таким образом, Делез и Гваттари видят будущее правовых теорий и их применения в обращении к коммуникативной сфере, в которой происходит общение разных национальных культур, позволяющее сохранять уникальные черты национального права с параллельной разработкой интернационально ориентированной системы норм и правил.

Выводы

Попытаемся сформулировать выводы из предыдущих размышлений. Право имеет два пути развития: либо возвращение к архаичным формам регулирования социальных отношений, устанавливающего в качестве закона обычай, который с точки зрения мифологического сознания является нерушимой, неизменной доминантой урегулирования общественных вопросов. Этим оно противоположно второй тенденции развития права — глобализации, имеющей динамический характер, хотя обе тенденции могут быть совокупностью принципов, воспринятых посредством контакта с другими культурами, изначально чужим элементом. Однако есть другие механизмы, позволяющие индивидам вести себя сообразно социальным и общечеловеческим установлениям, однако они открываются сознанию, которое покидает границы, в которых правит обычай. Будучи только одним вариантом аксиологической системы, она все же подвергается идеализации, объявляется наиболее совершенной из имеющихся моделей. Точно такими же объявляются и нормы, принятые в интегрированных образованиях, которые претендуют на универсальный характер, игнорируя при этом существующие реалии отдельных обществ и локальных групп. Правильность, а потому и обязательность данных норм подчеркивается в обоих случаях.

Слабость такой позиции заключается в том, что право не искусственно созданный в данный момент культурный объект, а исторически обусловленное явление, в котором категории должного и сущего находятся в сложной, неоднозначной взаимосвязи. Дефектность такого подхода вскрывается, когда за стремлением к распространению общечеловеческих представлений в сфере права стоит деятельность по укреплению политических и экономических позиций конкретных субъектов (корпорации), когда архаизация права есть инструмент сохранения в руках кланов столетиями имеющихся у них властных полномочий. В этом случае существует даже опасность установления диктатуры какой-то определенной ценностной системой, якобы во имя всеобщего блага через внедрение в общественное сознание гуманистических идеалов. В принципе так можно прикрыть любое эгоистическое действие. Агрессоры могут пользоваться как бы «пустотностью» права, которая может быть заполнена любым идеологическим содержанием. Деструктивная по своей природе свобода толкований права

сегодня сдерживается усилиями национальных государств, которые ориентируются на присущую им, исторически проверенную систему прав и обязанностей.

Таким образом, в результате процесса мифологизации право предстает в виде таких тенденций, как возвращение к применению обычного права, ведущее деградиционным процессам в области правовой культуры и правового сознания, и как формирование правовых универсалий как продукта глобализационного процесса, логичным завершением которого будет организация наднациональных институтов, регулирующих сферу правовых отношений. Мифологизация права есть порождение аксиологических сдвигов, усиления социальной мобильности, усложнения социальной реальности. Двойственность, присущая современному праву как развивающемуся организму, обусловлена тем, что в условиях современности право начинает выполнять функцию зеркала тех трансформаций, которые происходят в обществе на уровне обыденных практик, то есть не право авторитетно для индивидов, а образ жизни индивидов вносит коррективы в правовую систему. Научный анализ парадоксов современной правовой системы национальных обществ указывает на ограниченность такого явления, как мифологизация права.

Рекомендации

Перспективы дальнейшего исследования представленных в статье проблем возможны в следующих направлениях:

1. Изучение процессов интенсификации формирования прогрессивного правовой культуры и общественного правового сознания за счет применения технологий массовой коммуникации.
2. Изучение специфики модернизации архаических элементов общественного сознания и определение области его контотминирования с другими сферами культуры.
3. Создание концептуальной классификации альтернативных форм модернизации в качестве теоретического ресурса борьбы с дегуманизирующими тенденциями глобализационных процессов.
4. Выявление структурных элементов модернизации общественного сознания и установление межпредметных связей внутри этого процесса.

Список литературы

- 1 Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие и миф: принципы взаимодействия и проявления в культуре / Д.П. Козолупенко // Вопросы культурологии. — 2009. — № 6. — С. 12.
- 2 Легойда В.Р. «Доверие к праву» как культурфилософская проблема: к вопросу об источниках и основаниях формальных социальных регуляторов / В.Р. Легойда // Концепт: философия, религия, культура. — 2017. — № 4. — С. 25–32.
- 3 Барт Р. Мифологии / Р. Барт; пер. с фр. С. Зенкин. — М.: Академический проект, 2019. — 351 с.
- 4 Силантьева М.В. Аксиологическая призма в социогуманитарном знании: проблемы и решения // Наука без границ—2: инсайты и вызовы. — Косовска Митровица, 2018. — С. 57–70.
- 5 Берман Г.Д. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Д. Берман; пер. с англ. Д. Шабельникова, М. Тименчика. — М.: Ad Marginem, 1993. — С. 28.
- 6 Насртдинова В.М. К вопросу об особенностях мифогенеза современности и мифологизации общественного сознания (обзорный контент-анализ) / В.М. Насртдинова, Е.А. Аглей // Вестн. Вят. гос. ун-та. — 2016. — № 2. — С. 10–15.
- 7 Чадаева А.Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления: автореф. дис. ... канд. культ. наук: спец. 24.00.01 — «Культурология» / А.Г. Чадаева. — М.: ГАСК, 2006. — 163 с.
- 8 Иванников И.А. Место обычного права в правовой культуре российского общества / И.А. Иванников // Обычное право в России: проблемы истории, теории и практики. — Ростов-н/Д., 1999. — С. 268–271.
- 9 Дианина С.Ю. Убийства чести в контексте мультикультурализма: культура может убивать? / С.Ю. Дианина // Вопросы культурологии. — 2015. — № 1. — С. 68–73.
- 10 Всеобщая декларация о культурном разнообразии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml.
- 11 Женевская декларация о принципах культурного разнообразия. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Bru.html
- 12 Конвенция ЮНЕСКО о защите и поощрении разнообразия культурных форм самовыражения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expressions.shtml.
- 13 Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. — М.: Прогресс, 1991. — 736 с.
- 14 Головкин Р.Б. Правовое регулирование: легенды и действительность / Р.Б. Головкин // Социально-политические науки. — 2012. — № 2. — С. 60–63.

- 15 Соловьева А.Н. Детерриторизация социальных практик в контексте этнокультурных ландшафтов / А.Н. Соловьева // Вестн. Север. (Арктич.) федерал. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 5. — С. 126–130.
- 16 Волченко В.В. Риски деятельности социальных субъектов в условиях детерриторизации глобального социального пространства / В.В. Волченко // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2017. — Т. 6. — № 6А. — С. 72–77.
- 17 Малеев Ю.Н. Новое международное право / Ю.Н. Малеев // Россия и пути решения современных международно-правовых вопросов: сб. матер. науч.-практ. конф. — М., 2010. — С. 172.
- 18 Рудковский С.В. Постструктуралистские представления субъекта в пространстве европейской философии: Лакан–Фуко–Делез / С.В. Рудковский // Соц.-экон. и гуманит. журн. Краснояр. ГАУ. — 2015. — № 2. — С. 187–199.
- 19 Делёз Ж. Кафка: за малую литературу / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. Я. Свирский. — М.: Ин-т общегуманит. иссл., 2015. — 112 с.
- 20 Делёз Ж. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез пер. с фр. М. Рыклин. — М.: ИНИОН, 1990. — 107 с.
- 21 Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман; пер. с англ. М. Коробочкин. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. — С. 82–83.
- 22 Малеев Ю.Н. Международное управление устойчивым развитием: пределы необходимого и возможного / Ю.Н. Малеев // Моск. журн. междунар. права. — 2015. — № 4 (100). — С. 61–79.
- 23 Жукоцкая З.Р. Глобализация и ее влияние на культурные процессы / З.Р. Жукоцкая, Л.Е. Ковалева // Успехи современного естествознания. — 2011. — № 1. — С. 110–112.
- 24 Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журн. рос. права. — 2002. — № 3. — С. 118, 119.
- 25 Силантьева М.В. Ценностные лекала современной культуры: религия, право, мораль / М.В. Силантьева // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Философия. — 2018. — № 2 (28). — С. 76–81.
- 26 Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право / И.П. Блищенко. — М.: Госюриздат, 1960. — 237 с.
- 27 Мигушенко О.Н. Идеи универсального правопорядка и проблемы правопонимания в современном юридическом мышлении / О.Н. Мигушенко // Международное и внутригосударственное право в условиях глобализации: проблемы теории и практики: материалы Междунар. науч. конф. 25–28 апреля 2011 г. — М.: РАП, 2012. — С. 603–609.
- 28 Бушев А.Б. Вопросы юридического перевода / А.Б. Бушев // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. — Ростов-н/Д.: Ростиздат, 2011. — С. 27–36.
- 29 Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я. Свирского. — М.: Раритет, 1998. — С. 76.

А.К. Тасымова

Миф қазіргі құқықтық мәдениетті түсінудің кілті ретінде

Мақалада құқықтық мәдениеттің ерекшеліктерін түсінудің ең өзекті тәсілі ретінде мифтің рөлі мен маңызы зерттелген. Мифтің негізгі семантикалық параметрлерінде өзгеріссіз қалатын тарихи емес семантикалық өзегі ерекше атап өтіледі. Құқықтық мәдениет мифтің кейбір аспектілерін күнделікті қарым-қатынас деңгейінде бекіту ретінде қарастырылған. Болмыстың аксиологиялық параметрлері, сөзсіз, қазіргі мәдениет толып жатқан мифтермен, бір жағынан ұмытылып бара жатқан мифологиялық формаларды жаңғыртып, екінші жағынан балама мифологемалар тудыратындығы дәлелденген. Құқықтың мифологизациясы құқықтық мәдениет пен құқықтық сана саласында деградациялық процестерге әкелетін әдет-ғұрып құқығының қолданылуына қайта оралу сияқты тенденциялар түрінде көрінеді. Ғылыми парадигманың болуы белгілі бір мифтердің қоғамда жұмыс істемейтініне кепілдік бермейді деген тұжырым бар, өйткені мәдени саланың өзінен миф бірте-бірте саясат пен құқық саласында өзекті бола бастады, оны қазіргі заманғы шындықтарда байқауға болады. Сонымен қатар мақалада дамушы организм ретінде қазіргі құқыққа тән екіжақтылық негізделген, бұл қазіргі жағдайда құқық қоғамда күнделікті тәжірибе деңгейінде болып жатқан өзгерістердің айнасы ретінде әрекет ете бастауымен байланысты. Ұлттық қоғамдардың қазіргі құқықтық жүйесінің парадокстарын талдау қазіргі жағдайда жаһандану процесінің өнімі ретінде құқықтық әмбебаптардың қалыптасуына әкелетін құқықтың мифологиясы сияқты құбылыстың шектеулілігін көрсетеді, оның логикалық қорытындысы. құқықтық қатынастар саласын реттейтін ұлтүстілік институттарды ұйымдастыру болады.

Кілт сөздер: миф, құқық, мәдениет, қазіргі заман, ақыл-ой, демократия, әділдік, құқықтық сана, заң, әдет-ғұрып.

А.К. Tasymova

Myth as a key to understanding modern legal culture

The article substantiates the role and significance of myth as the most relevant way of understanding the peculiarities of legal culture. The ahistorical semantic core of the myth is emphasized, which remains unchanged in its basic semantic parameters. Legal culture is seen as fixing some aspects of the myth at the level

of everyday communication. It is proved that the axiological parameters of existence are undoubtedly determined by the myths with which modern culture is overgrown, on the one hand, resurrecting long-forgotten mythological forms, and on the other hand, producing alternative mythologems. The mythologization of law appears in the form of such trends as a return to the application of customary law, leading to degradation processes in the field of legal culture and legal consciousness. It is concluded that the presence of a scientific paradigm does not guarantee that certain myths will not function in society since from the cultural sphere itself the myth began to gradually become actualized in the field of politics and law, which can be observed in modern realities. The article substantiates the duality inherent in modern law as a developing organism, which is due to the fact that in modern conditions law begins to act as a mirror of the transformations that occur in society at the level of everyday practices. An analysis of the paradoxes of the modern legal system of national societies indicates the limitations of such a phenomenon as the mythologization of law, which in modern conditions leads to the formation of legal universals as a product of the globalization process, the logical conclusion of which will be the organization of supranational institutions that regulate the sphere of legal relations.

Keywords: myth, right, culture, modernity, intelligence, democracy, justice, legal consciousness, law, customs.

References

- 1 Kozolupenko, D.P. (2009). Mifopoeticheskoe mirovospriiatie i mif: printsipy vzaimodeistviia i proiavlennii v kulture [Mythopoetic worldview and myth: principles of interaction and manifestation in culture]. *Voprosy kulturologii — Questions of Cultural Studies*, 6, 12 [in Russian].
- 2 Legoida, V.R. (2017). «Doverie k pravu» kak kulturfilosofskaia problema: k voprosu ob istochnikakh i osnovaniakh formalnykh sotsialnykh regulatorov [“Trust in law” as a Cultural Philosophical Problem: on the question of the sources and foundations of formal social regulators]. *Kontsept: filosofii, religii, kultura — Concept: philosophy, religion, culture*, 4, 25–32 [in Russian].
- 3 Barthes, R. (2019). Mifologii [Mythologies]. (S. Zenkin, Trans). Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].
- 4 Silanteva, M.V. (2018). Aksiologicheskaia prizma v sotsiougumanitarnom znanii: problemy i resheniia [Axiological prism in socio-humanitarian knowledge: problems and solutions]. *Nauka bez granits–2: insaity i vyzovy — The Science without Borders-2: Insights and challenges*. (pp. 57–70). Kosovska Mitrovitsa [in Russian].
- 5 Berman, H.J. (1993). Vera i zakon: primirenje prava i religii [Faith and Order: The Reconciliation of Law and Religion]. (D. Shabelnikov, M. Timenchik, Trans). Moscow: Ad Marginem [in Russian].
- 6 Nasrtdinova, V.M., & Aglei, E.A. (2016). K voprosu ob osobennostiakh mifogeneza sovremennosti i mifologizatsii obshchestvennogo soznaniia (obzorni kontent-analiz) [With regard to the features of the genesis of myths of contemporaneity and mythologizing processes of the social consciousness (a synoptical content-analysis)]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Vyatka State University*, 2, 10–15 [in Russian].
- 7 Chadaeva, A.G. (2006). Mifogenez i rol mifa v kulture obshchestva potrebleniia [Mythogenesis and the role of myth in the culture of consumer society]. *Extended abstract of candidate's thesis*. Moscow [in Russian].
- 8 Ivannikov, I.A. (1999). Mesto obychnogo prava v pravovoi kulture rossiiskogo obshchestva [The place of customary law in the legal culture of Russian society]. *Obychnoe pravo v Rossii: problemy istorii, teorii i praktiki — The Customary law in Russia: problems of history, theory and practice* (pp. 268–271). Rostov-na-Donu [in Russian].
- 9 Dianina, S.Yu. (2015). Ubiistva chesti v kontekste multikulturalizma: kultura mozhet ubivat? [Honor killings in the context of multiculturalism: can culture kill?]. *Voprosy kulturologii — Questions of cultural studies*, 1, 68–73 [in Russian].
- 10 Vseobshchaia deklaratsiia o kulturnom raznoobrazii [Universal Declaration on Cultural Diversity]. (n.d.). www.un.org. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml [in Russian].
- 11 Zhenevskaia deklaratsiia o printsipakh kulturnogo raznoobrazii [Geneva Declaration on the Principles of Cultural Diversity]. (n.d.). www.itu.int. Retrieved from https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet/declaration_Bru.html [in Russian].
- 12 Konventsiia YuNESKO o zashchite i pooshchrenii raznoobrazii kulturnykh form samovyrazheniia [UNESCO Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Forms of Expression]. (n.d.). www.un.org. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expressions.shtml [in Russian].
- 13 Toinbi, A. (1991). Postizhenie istorii [Comprehension of history]. Moscow: Progress [in Russian].
- 14 Golovkin, R.B. (2012). Pravovoe regulirovanie: legendy i deistvitel'nost' [Legal regulation: legends and reality]. *Sotsialno-politicheskie nauki — Socio-political sciences*, 2, 60–63 [in Russian].
- 15 Soloveva, A.N. (2009). Deterritorizatsiia sotsialnykh praktik v kontekste etnokulturnykh landshaftov [Deterritorialization of social practices in the context of ethno-cultural landscapes]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriiia Gumanitarnye i sotsialnye nauki — Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences series*, 5, 126–130 [in Russian].
- 16 Volchenko, V.V. (2017). Riski deiatel'nosti sotsialnykh subektov v usloviakh deterritorizatsii globalnogo sotsialnogo prostranstva [Risks of the activity of social actors in the conditions of deterritorialization of the global social space]. *Kontekst i refleksiia: filosofii o mire i cheloveke — Context and reflection: philosophy about the world and man*, 6A, 72–77 [in Russian].
- 17 Maleyev, Yu.N. (2010). Novoe mezhdunarodnoe pravo [New international law]. Proceedings from Russia and ways of solving modern international legal issues: Nauchno-prakticheskaia konferentsiia – Scientific and Practical Conference (pp. 172). Moscow [in Russian].
- 18 Rudkovskii, S.V. (2015). Poststrukturalistskie predstavleniia subekta v prostranstve evropeiskoi filosofii: Lakan–Fuko–Delez [Poststructuralist representations of the subject in the space of European philosophy: Lacan-Foucault-Deleuze]. *Sotsialno-*

yekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 2, 187–199 [in Russian].

19 Deleuze, G., & Guattari, F. (2015). *Kafka: za maluiu literaturu [Kafka: Toward a Minor Literature]*. (Ya. Svirskii, Trans). Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy [in Russian].

20 Deleuze, G. (1990). *Kapitalizm i shizofreniia [Capitalism and Schizophrenia]*. (M. Ryklin, Trans). Moscow: INION [in Russian].

21 Bauman, Z. (2004). *Globalizatsiia. Posledstviia dlia cheloveka i obshchestva [Globalization. The Human Consequences]*. (M. Korobochkin, Trans). Moscow: Izdatelstvo «Ves Mir» [in Russian].

22 Maleyev, Yu.N. (2015). *Mezhdunarodnoe upravlenie ustoichivym razvitiem: predely neobkhodimogo i vozmozhnogo [International sustainable development management: the limits of what is necessary and possible]*. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava — Moscow Journal of International Law*, 4, 61–79 [in Russian].

23 Zhukotskaya, Z.R., & Kovaleva, L.E. (2011). *Globalizatsiia i ee vliianie na kulturnye protsessy [Globalization and its impact on cultural processes]*. *Uspekhi sovremenno ego estestvoznaniia — Successes of modern natural science*, 1, 110–112 [in Russian].

24 Lukashuk, I.I. (2002). *Vzaimodeistvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v usloviakh globalizatsii [Interaction of international and domestic law in the context of globalization]*. *Zhurnal rossiiskogo prava — Journal of Russian Law*, 3, 118–119 [in Russian].

25 Silanteva, M.V. (2018). *Tsennostnye lekala sovremennoi kultury: religiia, pravo, moral [Value patterns of modern culture: religion, law, morality]*. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Filosofii — Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philosophy*, 2, 76–81 [in Russian].

26 Blishchenko, I.P. (1960). *Mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravo [International and domestic law]*. Moscow: Gosizdat [in Russian].

27 Migushchenko, O.N. *Idei universalnogo pravoporiadka i problemy pravoponimaniia v sovremennom yuridicheskom myshlenii [Ideas of universal law and order and problems of legal understanding in modern legal thinking]*. *Mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravo v usloviakh glovalizatsii: problemy teorii i praktiki: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii — Proceedings from The International and domestic law in the context of globalization: problems of theory and practice. International scientific conference. (25–28 apreliia 2011 g.). (pp. 603–609)*. Moscow [in Russian].

28 Bushev, A.B. (2011). *Voprosy yuridicheskogo perevoda [Legal translation issues]*. *Proceedings from Language and Law: actual problems of interaction: Nauchno-prakticheskii internet-konferentsiia – International Scientific and Practical Internet Conference (pp. 27–36)*. Rostov-na-Donu [in Russian].

29 Deleuze, G. (1998). *Logika smysla [The logic of meaning]*. (Ya. Svirskii, Trans). Moscow: Raritet [in Russian].